

ОДИН ДЕНЬ В ВЕШЕНСКОЙ

Клавдию Федоровичу Александрину за восемьдесят. Живет в Нальчике. Часто бывает в редакции. Недавно, вернувшись из поездки, рассказал нам...

Моя давнишняя мечта по-бывать на родине Шолохова сбывается — еду в Вешенскую. По дороге знакомлюсь с попутчиком — Иваном Петровичем, бравым казаком лет восьмидесяти. Он оказался вешенским, лично знал М. А. Шолохова.

— Спрашиваете о великом писателе? Что сказать? Простой человек.. Доброй души. Многим помогал советом — и как депутат, и как писатель.

— Петрович, из окна видны места, связанные с «Тихим Доном»? — поинтересовался я.

— Видишь за леском хутор? Это и есть Кружилин. Тут родился Шолохов. Чуть в стороне — Подтелково. А дальше — братская могила. То место, где были повешены революционеры Подтелков и Кривошлыков. Вечная им память, — глубоко вздохнул Иван Петрович.

Немного помолчав, словно о чем-то вспоминая, продолжил:

— На краю станицы Базки, мы к ней подъезжаем, жил Ермаков Евлампий — тот самый Григорий Мелехов. И там же Праксovia — Аксинья.

Остановка. Базки. Иван Петрович прощается и выходит из автобуса.

В Вешенскую приехали вечером. На осеннем небе поблескивали звезды. Доносились вздохи близкого Дона.

Следующий день выдался славным, теплым. Захотелось пройтись по станице, посмотреть, как живут казаки. Шел и удивлялся: широкие асфальтированные улицы, площадь, в центре которой — памятник Ленину, библиотека, Дом культуры, красивые дома, окруженные садами. И все это связано с именем Шолохова.

Навстречу, лихо заломив фуражку по-казацки, прихрамывает старичок с военной выправкой.

— Здорово, деда! — приветствую я.

— Какой тебе «деда», я еще молодой, — буркнул в ответ казак.

— Извините.

— Ну, коли так, — здравия желаю!

— Скажите, вы не видели Аксинью?

— Хе! Какую? Аксиный много.

— Я — Григорий Мелехов.

Дед хитро прищурился:

— Что-то ты, браток, брешь. На Григория ты не похож, а на деда Щукаря схож.

И мы оба рассмеялись. Расслаивались друзьями.

...Усадьба. Дом с мезонином. Вокруг шумят дубки и молодые тополя. В глубине двора — сад. Шолохов любил поработать в нем. В стороне возвышается холмик — могила писателя. Я сажусь на скамейку. Смотрю на портрет Михаила Александровича, а мысли уходят далеко в прошлое...

...Двадцатые годы. Закончилась гражданская война на западе. Мы, шестнадцатилетние комсомольцы, — бойцы частей особого назначения (ЧОН) — боремся здесь с бандитами. Тогда впервые и повстречался с Шолоховым. Правда, знакомство было непродолжительным — многим более месяца действовал наш отряд. Вооруженные трехлинейными винтовками и гранатами, не думая о смерти, мы вступали в перестрелки с бандитами. Вместе из одного кисета брали «махру», курили. Танцевали с девушками под расстроенное пианино в бывшем барском доме. И никто, конечно, не предполагал, что один из нас станет писателем — великим писателем.

Тополевые листья, падающие то на могилу, то к моим ногам, отвлекли от воспоминаний. Несколько листочков взял с собой — на память.

Выхожу опять на Шолоховскую улицу. Около Дома культуры станичники в праздничных одеждах танцуют под гармонь. Не выдержал и я. Подхватив казачку, закружился в танце. Затянули старинную казачью песню, ее подхватили, и понеслось над станицей:

Что-то наша славная
землюшка распахана?

Не сохами-то славная
землюшка наша распахана,
не плугами.

Распахана наша землюшка
лошадиными копытами.

А засеяна славная
землюшка казачьими
головами...

Песня оборвалась неожиданно. Отчего-то стало грустно. Я прощался с Вешенской, ее жителями, Шолоховым...

К. АЛЕКСАНДРИН,
ветеран труда.